

динамики электорального поведения. Таким образом, среди городского населения, особенно на рубеже 1990–2000-х гг. присутствовала тенденция укрепления электоральных позиций левой оппозиции, в то время как одновременно на «селе» ее поддержка стремительно сокращается. Вряд ли данное явление может быть охарактеризовано как свидетельство исчезновения различия электорального поведения в «городе» и «селе»; скорее наоборот, оно обнаруживает противоположные тенденции в этих двух типах территорий.

В исследованиях А.С. Ахременко его тезис о снижении значения электоральных размежеваний между территориями может быть оспорен на основании его собственных работ. По его данным на основе компонентного анализа диапазон факторных значений по оси идеологического размежеваний составлял на парламентских выборах в 1995 г. 1,5, в 1999 г. – 1,5, в 2003 г. – 1,3 [2, с. 3–7]. Значимого снижения дифференциации идеологических размежеваний не наблюдается.

Таким образом, на фоне повсеместно высокой поддержки партии власти территориальная дифференциация электорального поведения населения не только не сокращается, но по отдельным параметрам возрастает. Электоральные расколы остаются существенной особенностью российского электорального пространства.

Библиографический список

1. *Ахременко, А. С.* Электоральное пространство России: структурная эволюция / А. С. Ахременко // Политические практики. – 2007. – № 2 (5).
2. *Ахременко, А. С.* Электоральные структуры и социальные размежевания в регионах России / А. С. Ахременко, А. В. Анисимова, В. В. Горбатова, А. Ю. Дербек, С. А. Евтушенко, С. В. Жигжитов, М. П. Леandroва, Ю. И. Левшенко, Н. Ю. Лукс, С. В. Мушнин, С. Г. Филиппова // Политические практики. – 2007. – № 2 (5).
3. *Туровский, Р. Ф.* Политическая география / Р. Ф. Туровский. – Смоленск, 1999.
4. *Хамраев, В.* Административный ресурс распоясал регионы / В. Хамраев // Коммерсантъ. – 2007. – № 219.
5. *Эволюция* электорального ландшафта / под ред. А. Сидоренко. – М., 2005.
6. *Evans, G.* Explaining the Formation of Electoral Cleavages in Post-Communist Democracies / G. Evans, S. Whitefield. – Режим доступа: www.uh.edu/democracy/evansr.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
7. *Kitschelt, H.* The formation of party system in East Central Europe / H. Kitschelt // Politics and society. – Los Altos, 1992. – Vol. 20, № 1.
8. *Rohrschneider, R.* Understanding Cleavages in Party Systems: Issue Position and Issue Salience in 13 Post-Communist Democracies / R. Rohrschneider, S. Whitefield. – Режим доступа: www.indiana.edu/~west/documents/Rohrschneider_Whitefield.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
9. *Whitefield, S.* Political cleavages and post-communist politics / S. Whitefield // Annual Review of Political Science. – 2002. – № 5.

«СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ» ИЛИ «МЯГКИЙ АВТОРИТАРИЗМ»? РОССИЙСКИЙ РЕЖИМ В ОТРАЖЕНИИ ПОЛЕМИЗИРУЮЩИХ ДИСКУРСОВ

В.В. Серкин
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: суверенная демократия, мягкий авторитаризм, режим, доктрина, социологический опрос.

Key words: sovereign democracy, soft authoritarianism, regime, doctrine, public opinion poll.

На протяжении всего второго срока президентства Путина усиливалась критика России на Западе по проблеме прав человека и демократии. Помимо вопроса давле-

ния властей на СМИ негативно оценивались шаги Кремля по укреплению вертикали власти в других сферах. США и Запад через своих высокопоставленных деятелей не устают предупреждать российские власти: дальнейшее движение по этому недемократическому пути может привести к ухудшению отношений России с внешним миром. В марте 2008 г. республиканский кандидат в президенты США Дж. Маккейн, говоря о России, позволил себе использовать довольно сильные и воинственные выражения. Он призывал вышвырнуть Россию из «Группы Восьми» – клуба, в который, как считается на Западе, входят самые богатые и промышленно развитые демократии мира. По словам Маккейна, туда необходимо впустить Индию с Бразилией, а России указать на дверь.

На обложке американского журнала «Тайм» в декабрьском номере за 2007 г. был помещен портрет «Человека 2007 года» – Владимира Путина. Обращает на себя внимание подпись под фотопортретом: «Tsar of The New Russia» – «Царь новой России». Интересен и комментарий журнала: «Владимир Путин... железной волей и при **значительном уроне в принципах, которые ценят свободные нации** (выделено нами), вернул Россию в разряд великих держав» [1]. Комментарий интересен своей парадоксальностью. С одной стороны, отмечены заслуги Путина, вернувшего России достойный мировой статус, с другой же, открыто говорится о принесенных при этом в жертву демократических принципах.

Итак, очевиден заинтересованный пристальный взгляд Запада на происходящие в нашей стране процессы. Надо отметить, что ранее, особенно во второй половине 1990-х гг., такого интереса не наблюдалось. Не менее прозрачен и смысл приведенных выше эскапад. Нам дают понять, что тест на демократию мы вот-вот провалим.

А тут и внутри страны разрастается дискуссия о судьбе российской демократии, ее институтов и об альтернативах демократическому развитию, которое якобы показало свою непригодность для наших «особых» условий. Причем критических высказываний как в адрес власти в целом, так и в адрес персонально президента страны раздается не меньше, чем в любой «свободной, цивилизованной» державе. На фоне привычного критического «обстрела» с правого и с левого политических флангов периодически случаются пики протестной активности в «независимых» и оппозиционных СМИ. Обычно это связано с очередным актом реформации политической системы сверху. Один из самых заметных за последние годы вал критических выступлений в адрес Кремля был отмечен в 2004 г. вслед за отменой прямой выборности губернаторов и глав регионов.

Один из самых активных в ту пору депутатов Государственной думы В. Рыжков обвинял В. Путина в том, что он использовал случившуюся в результате хаотического штурма гибель сотен невинных заложников в Беслане, в большинстве своем – детей, для прекращения исторического эксперимента по построению в России демократии. «Теперь, когда в стране полностью уничтожены условия как для реальной и честной политической конкуренции, так и для элементарного участия людей с убеждениями в политике, Путин занялся ликвидацией собственно демократических институтов. Первой жертвой пали институты выборности губернаторов и депутатов от округов, где все еще сохранились небольшие элементы политической свободы» [9].

Заведующий отделом социально-политических исследований «Левада-Центра» Л. Гудков вообще приравнял путинский этап истории новой России к брежневскому застою: «Выход на сцену Путина (не лица, естественно, а политического явления) означал удержание от особенностей системы и подавление процессов социальной дифференциации, что, однако, было оплачено довольно дорогой социальной ценой: архаизацией и склеротизацией социальной жизни, внешне напоминающей последние годы брежневской эпохи» [7].

Путину обвиняли в том, что он возвращается к кадровой политике КПСС, при которой замещение руководящих должностей осуществлялось по принципу номенклатуры: номенклатура президента, номенклатура представителя президента в федеральном округе, номенклатура назначенного президентом губернатора. Сверху донизу, согласно «вертикали власти». Такая кадровая политика, полагали критики, неиз-

бежно приведет к нарушению естественной ротации бюрократических кадров. Торжество номенклатуры, присущая ей круговая порука – главный источник коррупции, а последняя, как ржа, ослабит каркас государства, расшатает с таким трудом выстроенную «вертикаль» и поставит страну на край катастрофы [2]. Сотрудник Центра Карнеги Л. Шевцова считает, что в нашей стране формируется новый традиционализм, возвращается советское отношение «власть-народ», но на сей раз без «коммунистической шелухи». Под «традиционализмом» этот эксперт, прежде всего, имеет в виду «персонифицированную и никем не ограниченную власть лидера» [4]. Абсолютизм XXI в.? Да, но только президентский.

Продолжает этот перечень сравнений демократического декаданса при Путине с коммунистическим декадансом при Брежневе пассаж о выборах-2004 с их невысокой активностью электората. Их, мол, уже трудно назвать выборами. «И недаром российский избиратель встречает их с полнейшим равнодушием – с такой же, с каким советский избиратель встречал все выборы, где убедительную победу одерживал нерушимый блок коммунистов и беспартийных. К сожалению, выборы 2007–2008 гг. дали подобным оценкам еще большую фактографическую базу.

Совсем недавно еще один главнейший атрибут классической демократии, ее сильнейший институт, прописанный в Конституции РФ, – референдум – был сведен нашими законодателями к простой формальности, далекой от практического применения. Госдума так поправила закон о референдуме, что почти лишила народ шанса высказаться по жизненно важным для него вопросам. Надо отметить, что случилось это накануне памятной даты: 15 лет назад, 25 апреля 1993 г., в РФ прошел первый и, похоже, последний плебисцит.

Когда более-менее независимые аналитики пытаются проследить и охарактеризовать истоки глубокого кризиса либеральной модели демократии, который они же считают отличительной чертой нынешнего этапа в политическом развитии России, то получается примерно такая картина. Авторы демократической реформации, так называемые радикал-либералы, оказавшись у власти в начале 1990-х гг., попытались воспроизвести на российской почве западную версию этой модели. Эксперимент не удался, дискредитировав и либерализм, и саму идею демократии. Едва возникнув, демократические институты оказались заложниками государственно-бюрократических, олигархических и криминальных структур. За демократическим фасадом скрывались классовые интересы правящей элиты, радующей не столько о благе общества, сколько о собственном благополучии и наживе. Еще не вставшая на ноги молодая российская демократия стала задыхаться под прессом государственно-бюрократического и финансово-олигархического корпоративизма.

Альтернативой дезинтеграции мог стать и стал курс на административное укрепление государственности и централизованных рычагов управления. В результате в России сложился властный режим, по сути дела представляющий собой разновидность «мягкого авторитаризма» [5]. Для него характерна концентрация властных полномочий в руках узкого круга правящей элиты в сочетании с относительной свободой деятельности для граждан, которые не посягают на монополию власти на принятие политических решений.

Вместе с тем власть, по крайней мере, на словах, выказывает приверженность плюрализму, пытается сверху стимулировать развитие политических партий и институтов, обеспечивающих (пусть иллюзорную) репрезентацию общественного мнения (Общественная палата и т.п.). Альтернативные дискурсы не запрещаются, а скорее вытесняются на периферию (в частности, ограничивается их присутствие на центральных телеканалах), что ведет к дальнейшей фрагментации аудитории. Наряду с «главной» публичной сферой, которая все больше превращается в официальную, возникают другие, маргинальные, которые объединяют группы единомышленников, не обладавая доступом к основным каналам трансляции мнений [6].

Генеральной метафизической основой политической философии Путина кремлевские политологи считают следующее: Россия была, есть и будет крупнейшей европейской нацией. Ими признается, что демократическая традиция есть не нечто привнесенное в Россию откуда-либо, а естественным путем и в определенный исто-

рический момент возникшая в ней самой ценность, равно значимая в российском общественном сознании еще двум ценностям – свободе (в том числе и независимости, суверенности русской нации и русского государства) и справедливости.

Молодая (новая) российская демократия является продолжением российской государственности, а не ее крахом. От советской системы по собственному выбору и желанию Россия перешла к новому этапу своего развития – строительству одновременно демократического, свободного (суверенного) и справедливого общества и государства. И они, российское общество и государство, сами будут определять сроки, этапы, условия и формы этого развития [12].

Самым узнаваемым брендом, как сейчас принято выражаться, политической философии истеблишмента стало словосочетание «суверенная демократия». Как известно, эта терминология была предложена помощником Президента В.Ю. Сурковым для обозначения политического режима не ныне действующего, а к которому следует стремиться. Сама суверенная демократия определяется как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее разнообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими. При этом подчеркивается (явно в ответ на критику с Запада), что поддерживать суверенитет нужно без ущерба для демократии и оставаться открытыми, не теряя идентичности [11].

О девальвации демократических ценностей и в среде политологов говорит и все более распространенное мнение о том, что модель «мягкого авторитаризма» в наибольшей степени отвечает не только отечественным традициям и историческому опыту, но и нынешней политической обстановке. Общество, уставшее от анархии и беспорядка, готово принять эту форму правления.

У демократии по-прежнему нет сколько-нибудь широкой социальной базы. В полемике дискурсов не звучит явственно «глас народа» (артикулируются лишь нужды масс различными «народными трибунами», чьи полномочия чаще всего сомнительны). Чуть ли не единственными объективными показателями настроений и пристрастий остаются социологические опросы.

Социологические опросы, проведенные аналитическими центрами, обязаны давать объективную и достоверную информацию о состоянии общества, о приоритетах, избираемых гражданами по тому кругу вопросов, которые обсуждаются когнитивным сообществом, претендующим отражать их интересы. Посмотрим, что показали срезы общественного мнения, сделанные Аналитическим Центром Юрия Левады (Левада-Центром), где тематика многих последних (2007–2008 гг.) опросов достаточно близка той полемике вокруг предпочтительной модели демократии и оптимального устройства государства, о которой говорилось выше. Посмотрим результаты только нескольких, наиболее показательных в данном ракурсе опросов.

Итак, в декабре 2007 г. Аналитическим Центром Юрия Левады был проведен опрос россиян, который дал интересные результаты. На вопрос: «По какому из следующих принципов, на Ваш взгляд, должно быть устроено общество, в котором Вы хотели бы жить?», 66 % респондентов предпочли вариант: «Власть должна заботиться об обществе». За предложенный второй вариант ответа («Люди должны иметь возможность добиваться от власти того, что им нужно») высказалось всего 30 % опрошенных, т.е. более чем в два раза меньше. А ведь глубинный смысл этого сопоставления двух форм общественного устройства – в поиске ответа: «Есть ли в обществе спрос на реальную демократию с широким участием в управлении государством?». В этом же месяце производился срез общественного мнения по вопросу, затрагивающему важные мировоззренческие установки, тестирующему некую составляющую нашего менталитета, вскрывающему внутреннюю предрасположенность к одной из альтернатив демократии. На вопрос «От чего, по Вашему мнению, в большей степени зависит благополучие человека?» ровно половина (50 %) россиян ответили, что человек – кузнец своего счастья («от самого человека»), но чуть меньше (46 %) во главу угла поставили справедливое общественное устройство. Удивительно, что не-

определившихся в этом достаточно философском вопросе оказалось меньше, чем обычно, – всего-то 4 %. Западный прагматизм и неолиберальные установки прижились у значительной части нашего общества. Эти взгляды разделяют в большинстве молодые люди, успешная и вписавшаяся в систему часть дееспособного населения. И все же просоциалистическими идеалами «грешит» еще более многочисленная категория наших соотечественников [9].

А вот о том, что вызвавшие столько нареканий и у нас и за рубежом выборы по большому счету отражают реальную расстановку сил в обществе, говорят результаты следующих опросов. В январе 2008 г. респондентов спрашивали: «Как Вы думаете, что сейчас в большей мере волнует окружение Путина: проблемы страны или личные материальные интересы?» Больше половины респондентов (56 %) встали на точку зрения, что проблемы страны прежде всего определяют действия путинского окружения (включая, естественно, и Д. Медведева). Менее трети опрошенных (29 %) усомнились в государственной мотивации действий самых влиятельных политиков страны, заподозрив их в предпочтении личного материального благополучия в ущерб национальному. Ноябрьский (2007 г.) же опрос 1600 россиян о легитимности процедуры выбора действующим президентом страны своего преемника дал 43 % одобряющих такую практику, считающих ее законной и правомерной. А 28 % обнаружили либо безразличие, либо непонимание сути дилеммы и затруднились с ответом. Примерно такое же число респондентов (29 %) оценили эту тактику верховной власти как недемократичную и антиконституционную. Значит, правы те, кто считает, что в нашей стране господствует «самодержавная политическая культура» с ее ключевой характеристикой – властечцентричностью? Разве эти результаты не подтверждают, что власть – главное действующее лицо исторического процесса, в ходе которого лишь меняет свои наименования ее олицетворение – царь, император, генсек, президент. И эта власть всегда персонифицирована, т.е. всегда предполагает определенного носителя (в отличие от Запада, где власть отделена от правителя и не является его личной прерогативой) [8]. И как тут не вспомнить признания А.Н. Яковлева, что ни до перестройки, ни к моменту распада Советского Союза у нас не было массового демократического движения, из которого сейчас могла бы выкристаллизоваться новая элита. Практически нет такого движения и в настоящее время, когда вроде бы исчезли политические и правовые преграды для его возникновения. Да и борьба за выбор оптимальной модели государственного устройства по-прежнему идет внутри прежней элиты, несколько разбавленной новыми людьми, а отнюдь не между старой элитой и демократическим вызовом ей «снизу». Такого вызова попросту не существует.

Но с этим неутешительным выводом контрастируют результаты следующих срезов. Востребованности в нашей стране серьезной и влиятельной оппозиции президенту был посвящен опрос Левада-Центра в октябре 2007 г. Со значительным отрывом (66 % из числа опрошенных) лидировали сторонники необходимости противовеса президентской власти. Противников президентской оппозиции оказалось всего 20 %. Примерно в это же время 1600 россиян было опрошено тем же аналитическим центром по проблеме легитимности практически безальтернативных выборов в Государственную Думу. Наибольшее количество мнений было в секторе сомневающихся в легитимности или прямо отвергающих законность подобных выборов – 43 %. 31 % респондентов отвергают обвинения в сомнительности подобного выбора, тем самым признавая, что в России парламент может избираться при тотальном доминировании «партии власти» на фоне нескольких условных оппонентов. Четверть отвечавших вообще не смогли определиться и выразить свое отношение. Октябрьский опрос того же года о наличии в России значительных оппозиционных партий дал примерно такой же процент неопределившихся (25 %), треть отрицающих существование таковых (точнее 34 %), но все же большинство (41 %), верящих в существование организованной оппозиции [9]. Это те люди, которым кажется, в отличие от обеспокоенного Запада, что пока нет монополизации политики в России со стороны Кремля и прокремлевских партий. Здесь нужно отметить не только несогласие большинства участвующих в опросе граждан с разрушением некоторых демократических институтов

и ослаблением оппозиции, но и наличие вполне демократической гражданской позиции у значительной категории россиян. Не в этом ли основание грядущего гражданского общества?

И все же на сегодня, как нам кажется, наиболее показательным остается результат опроса ВЦИОМ в 2003 г. (прошло 5 лет, а ситуация, очевидно, практически не изменилась), который выявил, что главным источником власти и носителем суверенитета в нашей стране большинство респондентов признали не народ, как в Конституции, а Президента (55 %). Формально лишь 19 % опрошенных верили в российскую демократию и полагали, что власть в нашей стране принадлежит народу [3]. Именно здесь нужно искать социальную базу не демократии, а «президентского абсолютизма» или «мягкого авторитаризма». «Глас народа», получается, на стороне курса на монополизацию власти.

Но нужно учитывать, что «мягкий авторитаризм» способен эволюционировать как в направлении постепенной демократизации общества, так и в направлении «жесткого авторитаризма». Когда выяснилось, что общество не приемлет проводившуюся социальную политику государства, последнее не преминуло ввести коррективы, сделать определенные шаги в направлении социального либерализма демократического толка, ориентированного на интересы большинства граждан. Об этом свидетельствуют инициированные Президентом национальные проекты. Однако такие шаги носят, скорее, выборочный, нежели системный характер.

Если систематизировать рассмотренные в статье мнения, оценки и выводы, то их можно свести в два блока. В одном отражены дискурсы, тяготеющие к истеблишменту и одобряющие в целом внутреннюю и внешнюю политику властей, в другом – их оппоненты из разных социополитических лагерей. Сразу оговоримся, что здесь представлены только самые распространенные и популярные точки зрения, да и то не все. Для большей ясности и соответствия формату статьи приходилось проводить отбор самого типического, жертвовать интересными, но слишком радикальными и экзотическими оценками.

Аргументы в защиту избранного Россией курса:

- вместо абсолютизма КПСС – многопартийность (только в последних выборах в Государственную думу официально приняли участие 14 партий);
- современная Россия – открытая страна, наши граждане свободно выезжают за ее пределы, неограниченны контакты в бизнесе, культуре, в науке и т.д.;
- коммунистические, классовые нормы морали и этики замещены общечеловеческими ценностями, духовные поиски личности ничем не ограничены, подлинное воплощение принципа свободы совести;
- Россия принята в престижный клуб демократических держав, претендуя на равноправное участие во всех значимых глобальных институтах;
- сохраняя в неприкосновенности конституционную систему, верховная власть укрепила «вертикаль» политической системы, предотвратила центробежные процессы, угрожающие целостности государства, добилась стабильности и устойчивости политической ситуации внутри страны;
- российский бизнес (особенно в сырьевом секторе) в создавшейся политической ситуации достиг ведущих позиций в глобальной экономике;
- после некоторого идеологического вакуума у демократической России появилась цельная концепция «суверенной демократии», что укрепило фундамент политической системы;
- укрепившая свои экономические и международные позиции Россия отныне способна уверенно противостоять глобальным кризисам, как социального характера, так и природного, и при этом оказывать посильную помощь мировому сообществу.

Ответные критические аргументы (в соответствии с порядком изложенных выше):

- формируется монополизм эквивалента прежней КПСС – «партии власти» в лице «Единой России», оплота новой номенклатуры;

- формальная многопартийность, как показали выборы 2007–2008 гг., на деле не работает; зарегулированная Центром и политической гегемонией «партии власти», публичная власть, так и не укрепившись, сходит со сцены;
- открытость России, ослабление контроля со стороны государства по периметру своих границ привело не только к засилью таможенной бюрократии, проникновению в страну потока контрафактных продуктов, лекарств и иных товаров, валу неконтролируемой миграции, но и к утечке капиталов и «мозгов»;
- на смену коммунистической, тотальной идеологии пришли невнятные «вестернизированные» ценности, выдаваемые за «общечеловеческие», которые не прижились на российской почве; на этом же фоне происходит тотальная деморализация;
- дискриминация России со стороны, прежде всего, наших западных «партнеров», огульное очернительство и жесткая критика (зачастую небеспочвенная) правительственного курса периода 2000-х гг.;
- Россия на мировой арене все чаще оказывается в изоляции; даже формальные наши союзники по СНГ «дружат» с США (вплоть до перспективы войти в НАТО) в ущерб российским интересам;
- демократические институты (выборы, референдумы, свобода СМИ, свобода митингов и шествий и т.д.) либо сворачиваются, либо существуют формально, условно, в виде имитации;
- государство ограничило крупный бизнес некоторыми (во многом неписаными) «правилами игры», а мелкий и средний класс предпринимателей просто задавлен поборами и контролем со стороны бюрократии и криминала;
- в то же время сросшиеся с госструктурами гиганты, типа «Газпрома» активно влияют на экономическую и политическую ситуацию не только в самой России, но и на мировой арене (вспомним конфликты с Украиной, Белоруссией, обвинения представителей Евросоюза в «энергетическом терроризме»);
- государство, бюрократическая система держит обычного человека в «крепостной зависимости» от себя, не позволяя гражданину, в целом гражданскому обществу встать над аппаратом, занять истинно демократическую позицию в качестве доминирующего актора политики;
- последнее время проявляется все больший перекокс в системе власти в сторону «президентского абсолютизма»;
- диалог, полемика, соревнование альтернативных дискурсов происходит на ограниченных площадках и не привлекает внимания как «верхов», так и «низов».

Итак, противостояние позиций налицо. Остается лишь уповать на то, что дальнейшее развитие нашей государственности будет проходить не в условиях жесткого подавления альтернативных дискурсов, а при их продуктивном диалоге с официальными.

Многочисленные классики политологии, особенно западной, убеждают нас, что лучшей и наиболее адекватной политической формой организации общества, максимально способствующей социальному прогрессу, является демократия. При всех хорошо известных ее издержках, таких, как часто встречающаяся некомпетентность большинства, трудности в достижении консенсуса и т.д., в крупном историческом масштабе она создает наиболее благоприятные условия для получения информации, политической и правовой свободы индивида, инициативы, самоорганизации и самореализации.

Нам известно и то, что индустриальная технология развивалась в каком-то смысле параллельно демократизации европейских обществ, а постиндустриальная в период расцвета западной модели демократии. Почему же в нашей стране, да и не только в ней, старый рецепт демократии не дает ожидаемого эффекта, не ведет к гармонизации отношений в обществе и повышению благосостояния всех или хотя бы большинства граждан? Либо «лечение» по этому рецепту идет с нарушением режима и контрафактными «медикаментами», либо парадигма демократии, господствующая столько времени, устарела и должна уступить место другой, отвечающей нуждам XXI в. Диалектика предполагает такой ход событий. А контуры новых демократических моделей уже проявляются во многих инновационных теоретических конструкциях на грани футурологии. Будущее покажет их жизнеспособность.

Библиографический список

1. *Басистов, Ю.* Что сплет дуэт Путин-Медведев? / Ю. Басистов // Секретные материалы XX века. – 2008. – № 10.
2. *Воцанов, П.* Номенклатура возвращается / П. Воцанов // Новая газета. – 2004. – № 77. – 18 октября.
3. *Известия.* – 2003. – 9 декабря.
4. *Известия.* – 2004. – 25 февраля.
5. *Красин, Ю. Л.* Метаморфозы демократии в изменяющемся мире / Ю. Л. Красин // Полис. – 2006. – № 4. – С. 134.
6. *Малинова, О. Ю.* Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Полис. – 2007. – № 1. – С. 18.
7. *Независимая газета.* – 2004. – 28 мая.
8. *Пивоваров, Ю. С.* Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита / Ю. С. Пивоваров // Полис. – 2006. – № 1. – С. 16.
9. *Резим доступа:* <http://www.levada.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
10. *Рыжков, В.* Откат / В. Рыжков // Новая газета. – 2004. – № 68.
11. *Сурков, В.* Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию / В. Сурков // Эксперт. – 2006. – № 43.
12. *Третьяков, В.* Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина / В. Третьяков // Российская газета. – 2005. – 28 апреля.

**К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА КОНЦЕПЦИИ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹**

Р.Х. Усманов
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: миграция, конфликт, геополитические процессы, конфликто-генный фактор, этнополитическая безопасность, толерантность, глобализация, микрорегион, макрорегион.

Key words: migration, conflict, geopolitical processes, conflictogenic factor, ethnic and political security, tolerance, globalization, microregion, macroregion.

Мировой опыт показывает, что кризис экономической жизни, общества, а впоследствии ослабление внимания к культурно-национальному наследию, к традициям межнационального сотрудничества ведут к усилению межэтнической напряженности и ослаблению национальной безопасности государства. В такой ситуации начинают активно действовать различные этнические «элиты», «касты», которые пытаются формировать образ врага из инонациональных групп и национальных меньшинств. Часто это удается осуществлять в переломные моменты для общества, при смене или реорганизации государственного устройства.

Задача государства и каждого региона, ее властных структур в период трансформации политических режимов, решая социально-экономические проблемы, создавать благоприятную идейно-нравственную и психологическую атмосферу в обществе через язык, традиции сотрудничества, культурное наследие нации и т.д. Особая роль в этом плане должна отводиться в стране (тем более, если государство как Рос-

¹ Основные положения данного проекта были ранее опубликованы (в статье научного журнала РАН «Народонаселение» за 2002 г. № 2) и апробированы в ряде научных конференций (Все-российская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму», г. Махачкала, 20–21 ноября 2008 г.).